

BEST
BOOK

шки и двое парней
сил меня сделать е
ла и вернула ему ф
рил Дэвид меня и
своих Митчелл по
ясь тому, что есть
м не хочется, хотя
тех Простые пор
епко смертные спа
даться только паке
». и, что еще стран
вкус каких-то вес
исок, даже отрыв
вообще никак о
можно. Непода
новился белый «Ф
и два парня и дв

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М67

David Mitchell
BONE CLOCKS

Copyright © David Mitchell, 2014.

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Люлько*

Митчелл, Дэвид.

М67 Простые смертные / Дэвид Митчелл ; [пер. с англ. И.А. Тогоевой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 736 с. — (Best Book).

ISBN 978-5-699-97985-1

«Простые смертные» — роман-лабиринт, погрузившись в который читатель точно не будет скучать. Вас ждут и неожиданные открытия, и непредсказуемые сюжетные повороты, и знакомство с колоритнейшими героями, многих из которых поклонники Митчелла знают по предыдущим романам.

Завязка истории такова: 1984 год, главная героиня, Холли Сайкс, больше не может мириться с недостатками собственной матери. Девушка решает на крайний шаг — сбегает из дома. На этом реалистическая составляющая истории исчерпывается. Дальше с Холли произойдут события, которых с простыми смертными произойти не может.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-699-97985-1

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается Нюю

В плену страстей

1984 год

30 июня

Я резко раздернула шторы на окне спальни и прямо перед собой увидела исстрадавшееся от жажды небо, широкую реку и множество всевозможных судов и суденышек, но все это заслоняли воспоминания о шоколадных глазах Винни, о струйке пенистого шампуня, стекавшей у него по спине, о каплях пота у него на плечах, о его лукавой усмешке; и стоило мне все это себе представить, как я разом поглупела, и, господи, как же все-таки жаль, что я проснулась утром в своей дурацкой спальне, а не в квартире Винни на Пикок-стрит! Вчера вечером слова сами срывались у меня с языка: «Боже мой, Вин, а ведь я действительно тебя люблю! По-настоящему люблю!», а Винни, выдыхая облачка дыма, говорил ужасно похоже на принца Чарльза: «Следует отметить, и мне очень приятно проводить время с вами, Холли Сайкс». И мне это казалось ужасно смешным, и я хохотала, как сумасшедшая. Хотя, если честно, меня чуточку задело, что он так и не сказал: «Я тоже тебя люблю». Впрочем, все бойфренды, как известно, ведут себя довольно глупо, желая скрыть всякие нежные чувства, это вы в любом журнале прочтете. Жаль, что прямо сейчас нельзя ему позвонить! Хорошо бы изобрели такие телефоны, с помощью которых можно было бы поговорить с кем хочешь откуда хочешь и в любое время. Винни сейчас наверняка уже оседлал свой мотоцикл «Нортон» и покатил на работу в Рочестер, надев свою кожаную куртку, на которой серебряными заклепками выбито «LED ZEP». Вот в сентябре мне наконец исполнится шестнадцать, и тогда он сможет и меня прокатить на своем «Нортоне».

Кто-то внизу с силой захлопнул дверцу буфета.

Мама. Больше никто у нас в семье не осмелился бы так хлопать дверью.

А что, если она обо всем узнала? — раздался у меня в душе неуверенный голосок.

Нет. Мы с Винни вели себя очень осторожно. Даже чересчур.

У нее просто климакс, у мамы. В том-то все и дело.

Я поставила на LP-вертушку группы «Talking Heads» и опустила иглу; эта долгоиграющая пластинка называется «Fear of Music»,

Винни купил ее мне на вторую субботу после нашего знакомства в музыкальном магазине «Меджик Бас Рекордз». Пластинка просто потрясающая. Особенно мне нравятся «Heaven» и «Memories Can't Wait», но вообще-то, в этой подборке ни одной слабой вещи. Винни ездил в Нью-Йорк и был на концерте «Talking Heads». А приятель Винни, Дэн, который там служит в охране, сумел в перерыве даже за кулисы его провести, и Винни собственными глазами увидел самого Дэвида Бирна и всю его команду. Если он на будущий год снова туда поедет, то возьмет меня с собой. Я оделась, осматривая каждый синяк, свидетельство нашей бурной страсти, и размышляя, что хорошо было бы и сегодня вечером пойти к Винни, но сегодня он, к сожалению, занят: едет в Дувр на встречу с приятелями. Мужчины терпеть не могут, когда женщины начинают проявлять ревность, и я каждый раз притворяюсь, будто ни капельки его не ревную. Моя лучшая подруга Стелла тоже уехала — в Лондон, порыться в секонд-хенде на Камден-маркет. А меня мама непустила — сказала, что мне еще рановато ездить в Лондон без взрослых. И вместо меня Стелла взяла с собой Эли Джессоп. Значит, сегодня мне светит самое большее обслуживание посетителей в баре. Ну что ж, зато заработаю свои законные три фунта карманных денег, тоже неплохо. Потом еще нужно хоть немного позаниматься — на следующей неделе уже экзамены. А впрочем, чтобы получить аттестат «О»¹, можно сдать хоть пустые листы и сказать этой школе, куда ей надо засунуть и теорему Пифагора, и «Повелителя мух» и жизненный цикл червей. Запросто!

Вот именно. Я запросто могу так поступить.

* * *

Когда я спустилась вниз, на кухне все дышало холодом, как в Антарктиде.

— Доброе утро, — сказала я, но только Жако поднял голову и посмотрел на меня с подоконника, где он вечно сидит и рисует.

Шэрон валялась в гостиной на диване и смотрела какой-то мультфильм. Папа в холле разговаривал с парнем из доставки — напротив нашего паба как раз разворачивался грузовик пивоваренного завода. Мама для чего-то мелко-мелко крошила на доске яблоки и делала вид, что меня не слышит. В таких случаях мне обычно полагалось спросить: «В чем дело, мам? Что я такого сделала?», только на фиг

---

¹ Аттестат «О» — свидетельство об общем образовании обычного уровня, тогда как аттестат «А» — свидетельство повышенного уровня; экзамен на аттестат сдается в общеобразовательных школах после шестого класса. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

мне нужны эти детские игры. Она же наверняка заметила, как поздно я вчера вернулась. Вот пусть сама на эту тему и заговаривает. Я насыпала в плошку хлопьев «Витабикс», залила их молоком и поставила на стол. Мать с грохотом накрыла сковороду крышкой и подошла ко мне.

— Так. Ну и что ты скажешь в свое оправдание?

— Да, мам, с добрым утром. Сегодня тоже будет жара.

— Что ты намерена *сказать в свое оправдание*, юная леди?

Если не знаешь, что сказать, притворись невинной овечкой.

— А что говорить-то? И насчет чего? Можно поточнее?

Она тут же уставилась на меня, не мигая, как змея.

— Ты в котором часу домой вернулась?

— Ну ладно-ладно, ну чуточку опоздала, ну *извини*.

— Два часа — это не «чуточку». Где ты была?

Я продолжала безмятежно жевать «Витабикс».

— У Стеллы. Забыла на часы посмотреть.

— Вот как? Очень странно. Очень и очень странно. Дело в том, что я в десять часов звонила матери Стеллы, хотела выяснить, где тебя черти носят, и догадайся, что она мне ответила? Сказала, что ты ушла, когда и восьми еще не было. Так кто из вас врет, Холли? Ты или она?

Вот вляпалась!

— Ну и что? Я, когда ушла от Стеллы, решила еще немного прогуляться.

— И куда же завела тебя твоя прогулка?

Четко выговаривая каждое слово, я сказала:

— На берег реки. Устраивает?

— И куда же ты двинулась по берегу реки — верх по течению или вниз?

Я старательно выдержала паузу, потом спросила:

— А что, это *так уж* важно?

Из телевизора доносились какие-то взрывы и вопли мультипликационных героев. Мама сердито крикнула сестренке:

— Выключи это немедленно, Шэрон! И уходи отсюда. И дверь за собой закрой.

— Это несправедливо! — возмутилась Шэрон. — Ты Холли ругаешь, а я что, виновата? Пусть Холли отсюда уходит!

— *Быстро*, Шэрон. И ты тоже, Жако. Мне нужно... — Но Жако уже и след простыл. Когда наконец убралась и Шэрон, мама предприняла новую атаку: — Значит, ты отправилась на «прогулку» совсем одна?

Откуда это отвратительное ощущение, что она хочет вывести меня из себя?

— Да.

— И далеко ты забрела, гуляя в полном одиночестве?

— Я что, должна назвать расстояние в милях? Или лучше в километрах?

— А может, твоя «прогулка» привела тебя напрямиком на Пикок-стрит? Где живет некий тип по имени Винсент Костелло? — На кухне точно вихрь взметнулся. За окном на том берегу реки, в Эссексе, я заметила крошечную фигурку с конечностями-палочками — какой-то мужчина снимал с паромы свой мотоцикл. — Что, все слова растеряла? Ну, давай я тебе подсказу, напомним: вчера в десять часов вечера ты опускала там жалюзи, стоя на подоконнике в одной майке, а больше, по сути дела, на тебе ничего и не было.

Да, я действительно спускалась, чтобы купить Винни пиво. Да, я действительно опускала жалюзи на том окне, что выходит на улицу. Да, кто-то действительно проходил мимо. «Расслабься, — сказала я себе. — Неужели этот единственный незнакомец, мельком глянувший на наши окна, так сразу меня и узнал? Мама просто рассчитывает, что я сломаюсь. Но я и не подумаю».

— В тебе пропадает роскошная барменша, мам. Ты бы отлично выслеживала наркоманов и сдавала их в MI5¹.

Мама бросила на меня *классический* гневный взгляд Кэт Сайкс — в нем слились отвращение, презрение и гнев.

— Сколько ему лет?

Теперь уже я упрямо сложила руки на груди.

— Не твое дело.

Мать прищурилась:

— По всей вероятности, двадцать четыре.

— Раз ты и так знаешь, зачем же спрашивать?

— Потому что подобные отношения двадцатичетырехлетнего мужчины и пятнадцатилетней школьницы — это преступление. За это его запросто можно посадить.

— Мне уже в сентябре исполнится шестнадцать. А у полиции Кента, по-моему, найдется рыбка и покрупнее, чтоб бросить на сковородку. И вообще, я уже достаточно взрослая, сама могу решать, с кем мне иметь «подобные отношения», а с кем не иметь!

Мать вытащила сигарету из красной пачки «Мальборо» и закурила. Мне тоже до смерти хотелось курить.

— Когда я все расскажу твоему отцу, он же с этого Костелло кожу заживо сдерет.

---

¹ Military Intelligence (*англ.*) — контрразведка; служба безопасности.

Ну, это фигушки: папе, как и всем хозяевам пабов, и впрямь порой приходится выпроваживать из бара разных упившихся до чертиков и разбуянившихся «артистов», только он совсем не тот человек, который способен содрать с кого-то живьем кожу.

— Брендану, между прочим, тоже было пятнадцать, когда он бегал на свидания с Мэнди Фрай, — сказала я. — И если ты думаешь, что они просто гуляли, держась за ручки, то очень ошибаешься. Хотя я что-то не помню, чтобы ты ему хоть раз сказала, что его за это «запросто можно посадить».

Мать посмотрела на меня и произнесла четко, почти по слогам, точно разговаривая со слабоумной:

— *Мальчики — это — совершенно — другое — дело.*

Я презрительно фыркнула: да ладно тебе, мам!

— Значит так, Холли, запомни: ты будешь встречаться с этим... торговцем автомобилями только через мой труп.

— Ты ошибаешься, мам! Я, черт побери, буду с ним встречаться! Я буду встречаться с кем захочу!

— Теперь у нас в доме будут новые правила. — Мама устало загасила недокуренную сигарету. — Я буду сама *отвозить* тебя в школу и *привозить* обратно. И из дому ты одна больше не выйдешь — только со мной, с отцом, с Бренданом или Рут. А если я хоть одним глазком еще раз *замечу* поблизости этого охотника за младенцами, то немедленно заявлю в полицию и потребую привлечь его к уголовной ответственности — да, я это *сделаю*, помоги мне господи! И еще — еще — я позвоню к нему на работу и расскажу, что он соблазняет малолетних школьников.

Огромные жирные секунды тянулись на редкость медленно, и я прямо-таки чувствовала, как проникают в меня злые мамины слова.

Глаза у меня уже начинало пощипывать, но я знала, что *ни в коем случае* не позволю себе доставить этой миссис Гитлер удовольствие видеть, как я реву.

— У нас не Саудовская Аравия! Ты не имеешь права запирать меня в доме!

— Живешь под нашей крышей — подчиняйся нашим правилам. Когда я была в твоём возрасте...

— Да, да, да! И у тебя было двадцать братьев, и тридцать сестер, и сорок бабушек-дедушек, и пятьдесят акров картофельных полей, которые нужно было вскапывать, потому что такова была жизнь в вашей старой гребаной *Ойрландии*, черт бы ее побрал! Но здесь-то Англия, мама, *Англия*! И на дворе 80-е, и если уж жизнь была так прекрасна в вашем гребаном Западном Корке, в этом *вонючем болоте*, то какого же черта ты вообще приехала в...

Хлоп! Она со всего маху врзала мне по левой щеке.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга; я вся дрожала от потрясения, а мама... в таком гневе я ее еще никогда не видела. А еще до нее, похоже, начало доходить, что она собственными руками разрушила отношения с дочерью и восстановить их будет уже невозможно. Я встала и, не говоря ни слова, с видом победительницы вышла из комнаты.

* * *

Я совсем немножко поплакала, но скорей от шока, чем от обиды, потом перестала плакать и подошла к зеркалу. Глаза, конечно, слегка припухли, но, если чуточку подвести, заметно не будет. Теперь еще немножко помады, капельку румян... В общем, сойдет. И девушка в зеркале — точнее, молодая женщина с коротко подстриженными черными волосами, в майке с надписью «Quadrophenia» и в черных джинсах — сказала мне: «А у меня для тебя новости: ты сегодня переезжаешь к Винни». Я начала было перечислять причины, которые не позволят мне так поступить, и умолкла, чувствуя, как кружится от волнения голова, и одновременно испытывая какое-то странное спокойствие. «Да, — согласилась я, — а еще я бросаю школу. Вот прямо сию минуту». Все равно скоро летние каникулы, подумала я, так что школьный инспектор и пукнуть не успеет, а в сентябре мне уже стукнет шестнадцать, так что инспектору и учителям нашей общеобразовательной школы «Уиндмилл-Хилл» придется молчать в тряпочку. Господи, неужели у меня действительно духу хватит?

Хватит. Ну, тогда пакуй вещи! Что с собой-то брать? А то, что в рюкзак влезет. Труссы, бюстгальтеры, майки, куртку-косуху, косметичку, банку из-под бульонных кубиков «Оксо» с моими браслетами и ожерельями. Еще не забыть зубную щетку и пакет с тампонами — менструация у меня немного запаздывает и может начаться в любую минуту. Деньги. Я посмотрела, сколько у меня в кошельке: 13 фунтов 85 пенсов купюрами и мелочью. Еще у меня есть 80 фунтов на тайном счете в банке. Вряд ли Винни заставит меня платить за жилье, а на следующей неделе я уже и работу себе найду. Можно, например, работать бебиситтером, или на рынке, или официанткой — да всегда можно придумать, как заработать несколько фунтов. А вот что делать с коллекцией дисков? Я же не могу прямо сейчас перетащить их все на Пикок-стрит. Зато мама вполне способна отнести их в магазин «Оксфам»¹ с глаз долой. В общем, пришлось взять только «Fear of Music». Я аккуратно завернула пластинку в косуху и пристроила в рюкзаке так, чтоб не повредить. А остальные диски на время спрятала в тайник под специально расшатанными

¹ Оксфордский комитет помощи голодающим (Oxford Famine Relief).

досками пола, но когда я уже снова накрывала это место ковром, то испытала, наверно, самый сильный испуг в жизни, заметив, что в дверях стоит мой брат Жако и внимательно за мной наблюдает. Он все еще был в пижаме с надписью «Thunderbirds»¹ и в шлепанцах.

— Мистер, как вы меня напугали! Просто чуть сердце не выскочило!

— Ты уходишь. — У Жако всегда был какой-то потусторонний голос.

— Да, но это между нами. И не волнуйся, я уйду недалеко.

— Я тебе сувенир сделал. Чтобы ты меня помнила.

Жако вручил мне картонный круг — тщательно распрявленную крышку от коробки из-под сыра «Дейрили» — с изображенным на нем лабиринтом. Мой братишка просто помешан на лабиринтах; их полно в книжках серии «Драконы и драконство», которыми они с Шэрон так увлекаются. Лабиринт, который подарил мне Жако, на самом деле был довольно незамысловат, во всяком случае, сам Жако умел придумывать и куда более сложные. Этот состоял всего из восьми или девяти концентрических кругов, соединенных проходами.

— Возьми, — сказал мне Жако. — Это *дьявольский* лабиринт.

— Мне он вовсе не кажется таким уж страшным.

— «Дьявольский» значит «сатанинский», сестра.

— И что же в нем такого сатанинского? Объясни.

— Тьма неотступно следует за тобой, когда ты идешь по этому лабиринту, и если она тебя коснется, ты просто перестанешь существовать. Так что один неверный поворот, ведущий в тупик, — и тебе конец. Вот почему ты *должна* выучить все повороты лабиринта наизусть.

Господи, только спятившего брата мне и не хватало!

— Ладно, выучу. Спасибо тебе, Жако. Слушай, мне еще нужно кое-что...

Жако крепко сжал мое запястье.

— Выучи этот лабиринт, Холли. И извини своего *спятившего брата*. Пожалуйста.

Мне вдруг стало слегка не по себе.

— Мистер, вы ведете себя как-то очень странно...

— Дай слово, что запомнишь наизусть все повороты и переходы этого лабиринта, чтобы в случае необходимости смогла бы найти путь даже в темноте. *Пожалуйста!*

---

¹ Популярный телевизионный мультсериал («Тандербёрды: Международные спасатели», 1965—1966).

У всех моих друзей младшие братья помешаны на комиксах и играх типа «Scalextrick» или «Top Trumps», почему же только у меня младший братишка мастерит лабиринты и употребляет выражения «в случае необходимости» и «дьявольский»? Господи, а вдруг он окажется геем? Как же он тогда выживет в нашем Грейвзэнде? Я ласково взъерошила ему волосы.

— Ладно, даю слово, что непременно выучу твой лабиринт наизусть. — И после этих слов Жако вдруг крепко-крепко меня обнял, и это было совсем уж странно, потому что Жако обниматься-целоваться совсем не любит. — Эй, что это ты? Я ведь совсем недалеко... Ты меня поймешь, когда станешь постарше, и потом я...

— Ты переезжаешь к своему бойфренду.

Теперь я уже ничему не удивлялась, так что покорно призналась:

— Да.

— Береги себя, Холли.

— Винни очень хороший, Жако! И как только мама немного привыкнет к новой ситуации, мы с тобой снова будем часто видеться. Ну вот, например, мы же часто видимся с Бренданом с тех пор, как он женился на Рут, верно?

Но Жако молча засунул картонку с нарисованным на ней лабиринтом поглубже в мой рюкзак, еще раз печально взглянул на меня и исчез.

* * *

Мама появилась на лестничной площадке с корзиной, полной ковриков из бара, которые нужно было вытряхнуть. Вид у нее был такой, словно она попалась мне навстречу случайно, а вовсе не сидела в засаде.

— Я не шучу, Холли. Из дому тебе выходить *запрещено*. Немедленно вернись наверх. На следующей неделе экзамены. Тебе давно пора сесть и подумать о своем будущем.

Я до боли стиснула лестничные перила.

— Ты, кажется, сказала: «Живешь под нашей крышей — подчиняйся нашим правилам»? Что ж, прекрасно. Мне не нужны *ни* твои правила, *ни* твоя крыша, *ни* твои подзатыльники, которые ты мне отвешиваешь, стоит тебе самой потерять какую-нибудь тряпку. Ведь ты же не перестанешь так себя вести, верно?

У матери как-то странно исказилось лицо, и мне показалось, что она вот-вот скажет какие-то правильные слова, и мы наконец поговорим по душам. Но нет, она просто вцепилась в мой рюкзак, гнусно усмехнулась, словно никак не может поверить, до чего глупа ее дочь, и заявила:

— А ведь когда-то и у тебя были мозги!

В общем, я вырвала у нее рюкзак и продолжала спускаться, а она так и осталась стоять на месте.

— Как насчет школы? — спросила она, и голос ее прозвучал весьма напряженно.

— Ну, если эта школа для тебя так важна, так *сама* там и учишься!

— У меня-то, черт побери, никогда в жизни и не было возможности учиться! Мне всю жизнь приходилось вкалывать! И паб этот содержать, и детей растить, и всех вас — и тебя, и Брендана, и Шэрон, и Жако — кормить, одевать-обувать, в школе учить, чтобы хоть *вам* потом не пришлось *всю жизнь* мыть туалеты, вытряхивать пепельницы и гнуть спину с утра до вечера, не имея возможности хоть раз лечь спать пораньше.

Что мне ее слова! Как с гуся вода. Я продолжала медленно спускаться.

— Ну, ладно, иди-иди. Ступай. Узнаешь, какова она, жизнь-то, на вкус. Не сомневаюсь, что через три дня твой Ромео тебя вышвырнет вон. Мужчину в девушке интересует вовсе не ее яркая индивидуальность, черт побери! Такого, Холли, никогда не бывает.

Я сделала вид, что не слышу. Из холла мне было видно, как Шэрон хлопочет за барной стойкой у полок с фруктовыми соками, помогая папе обновить запасы спиртного и наполнить кувшины. Я не сомневалась, что она все слышала. Я помахала ей рукой на прощанье, и она махнула мне в ответ, но как-то нервно. Из глубины подвала гулким эхом доносился голос отца, монотонно повторявшего: «Паром из Ливерпуля...» Пожалуй, лучше было его во все это не вмешивать. И потом, сейчас он наверняка принял бы сторону мамы. А в присутствии завсегдатаев паба он выразился бы примерно так: «Я не такой дурак, чтобы разнимать двух дерущихся куриц!», и они стали бы согласно кивать, бормоча: «Это ты верно сказал, Дэйв». Кроме того, стоило обратиться из дома, пока он еще не знает о наших с Винни отношениях. Не то чтобы я их стыдилась. Я просто предпочла бы избежать жарких объяснений. Ньюки, как всегда, спал в своей корзинке. «Ты самая вонючая собака в Кенте, — с нежностью сказала я ему, стараясь не заплакать, — ты старый мешок с блохами». Я почесала его за ухом, отодвинула засов на боковой двери, вышла в переулок Марло, и у меня за спиной со щелчком захлопнулась дверь.

* * *

На Вест-стрит свет и тень сменяли друг друга резко, как на экране телевизора с неотрегулированной контрастностью, так что пришлось надеть темные очки, и мир вокруг сразу окутала фантастическая пелена, однако он одновременно стал более живым и